

Этнофолизм как средство речевой агрессии (на материале встречного текста на новостные сообщения)

'Ethnophaulism as a Means of Speech Aggression (Based on Counter-Text for News Reports)

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-94-104

Получено: 25 октября 2024 г. / Одобрено: 19 ноября 2024 г. / Опубликовано: 26 декабря 2024 г.

Л.В. Соснина

Д-р филол. наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка,
Донецкий национальный технический
университет,
ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Артема, 58,
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-9823-5152

L.V. Sosnina

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the department of English language,
Donetsk National Technical University,
58, Artema Str., 283001, Donetsk, the DPR, Russia,
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-9823-5152

Н.С. Демченко

Старший преподаватель кафедры гуманитарных
дисциплин,
Донецкий институт государственной
противопожарной службы МЧС России
ДНР, 283050, г. Донецк, ул. Розы Люксембург,
д. 34А,
e-mail: mirranitly@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-7741-5402

N.S. Demchenko

Senior Lecturer of the Department of Humanitarian
Disciplines,
Donetsk Institute of State Firefighting
Service of EMERCOM of Russia,
34A, Rozy Lyuksemburg Str., 283050, Donetsk,
the DPR, Russia,
e-mail: mirranitly@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-7741-5402

Аннотация

В настоящей работе представлен краткий теоретический анализ общего понимания механизма «языка вражды» и понятия «этнофолизм». Этнофолизм рассматривается как инструмент разжигания этнической нетерпимости.

Материалом для исследования послужили комментарии читателей сетевого издания «РИА «Новости»». Собранный фактический материал был рассмотрен в рамках двух типологизаций по разным основаниям. Предложен количественный анализ зависимости употребления пользователями этнофолизмов от инфоповода.

Актуальность исследования обусловлена появлением новых и изменением существующих средств речевой агрессии, в том числе тех, которые способствуют разжиганию коммуникативных конфликтов межличностного и группового характера в интернет-среде.

Новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка изучения употреблений этнофолизмов в контексте специальной военной операции на материале отдельно взятого новостного источника «РИА «Новости»».

Ключевые слова: средства массовой информации, речевая агрессия, язык вражды, экспрессивный этноним, этнофолизм, новостное сообщение, встречный текст.

Abstract

A brief theoretical analysis of general understanding of the mechanism of "hate speech" and the concept of "ethnophaulism" have been presented. Ethnophaulism is considered as a tool for inciting ethnic intolerance.

The material for the study was the comments of readers of the online publication RIA News (RIA Novosti). The collected factual material has been observed within the framework of two classifications on different grounds. A quantitative analysis of the dependence of the use of ethnophaulisms by site population on the information flow is proposed.

The relevance of the study is due to the occurrence of new means of speech aggression and the changes in existing ones, including those that contribute to inciting communicative conflicts of an interpersonal and group nature in the Internet environment.

The novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt is being made to study the use of ethnophaulisms in the context of a special military operation based on the material of a single news source RIA News (RIA Novosti).

Keywords: mass media, speech aggression, hate speech, expressive ethnonym, ethnophaulism, news report, counter-text.

Введение

Современная геополитическая ситуация способствует появлению разнообразных реакций общественности на события, происходящие в мире. Благодаря техническому прогрессу общество имеет возможность не только оперативно получать информацию, но и делиться ею, транслировать личное отношение к чему-либо вниманию широкой аудитории через ресурсы интернет-пространства. Блогосфера, электронные СМИ, социальные сети, порталы, форумы и веб-сайты — сетевые интернет-коммуникации

постоянно совершенствуются и оказывают значительное влияние на мнение своей аудитории. Многие лингвисты сходятся во мнении, что «средства массовой информации должны пропагандировать культуру речи, а сами СМИ должны стать образцами русского литературного языка, где обязана присутствовать чистая, грамотная речь» [10, с. 74].

В нынешних политических реалиях общество особенно интересуется электронными СМИ, где освещение текущих событий осуществляется на постоянной основе в реальном времени. Не меньшую

значимость для реципиентов представляет возможность обозначить личную позицию на полученное новостное сообщение, которую лингвисты определяют как «новый жанр интернет-дискурса — интернет-комментарий, представляющий собой оценку только что увиденного или просмотренного материала» [2, с. 56]. Подобные текстовые реакции представляют исключительную ценность для исследователей различных научных направлений (лингвистических, социальных, психологических, культурологических, политических). Речевое поведение в условиях анонимности и безнаказанности позволяет наиболее точно оценить фактическую языковую и общекультурную картину внутри страны.

Актуальность данного исследования прежде всего заключается именно в изучении лингвистических явлений, которые находят своё отражение в высказываниях реципиентов. Несомненным фактом остается острая реакция российского общества на новостные сообщения о ходе действий специальной военной операции (СВО) на территории Украины. Как отмечают И.Т. Вепрева и Н.А. Купина, «агрессивная риторика, в свою очередь, формирует социальную тревожность и одновременно — готовность общества к активизации военных приготовлений» [3, с. 541]. Дискуссии, разжигающиеся в ответ на публикации электронных СМИ, зачастую переходят в эксплицитные выражения речевой агрессии. Объектом нашего изучения являются языковые средства проявления языка вражды.

Обзор литературы

Над теоретическим осмыслением проблемы языка вражды в отечественной науке работали А.Н. Баранов, А.М. Верховский, А.В. Гладилин, А.И. Грищенко, Д.В. Дубровский, Л.В. Дуличенко, А.В. Евстафьева, О.В. Карпенко, Г. Кожевникова, О.С. Коробкова, М.В. Кроз, Н.А. Купина, А.Д. и А.А. Леонтьев, Н.В. Муравьева, Н.А. Николина, А.Р. Ратинов, С.В. Свирковская, Ю.В. Щербинина и др. Представленные исследователи рассматривали «язык вражды» с точки зрения социологии (Д.В. Дубровский, О.В. Карпенко, Г. Кожевникова), психологии (А.Д. и А.А. Леонтьев, М.В. Кроз, А.Р. Ратинов), юриспруденции (А.Н. Баранов, А.М. Верховский, А.В. Гладилин) и лингвистики (Л.В. Дуличенко, А.В. Евстафьева, О.С. Коробкова, Н.А. Купина, Н.В. Муравьева, Н.А. Николина, С.В. Свирковская, Ю.В. Щербинина). Разнообразие подходов к изучению языка вражды свидетельствует о междисциплинарной природе этого явления.

Современные лингвисты полагают, что понимание языка вражды концентрируется на вербальной реализации оппозиции «свой — чужой». Так,

Ю.В. Щербинина полагает, что язык вражды «служит для выражения ненависти “ко всему иному”, неприемлемому, отличному от сложившихся стереотипов той или иной социальной либо культурной общности людей» [14, с. 172]. О.С. Коробкова вслед за Э. Понариным под языком вражды понимает «способ языкового конструирования моделей и практик социального неравенства для выражения этнических различий» [12, с. 91]. Автор уточняет, что осуществление таких практик происходит через маркирование «чужого» лингвистическими средствами [9, с. 201].

Особую значимость изучения языка вражды отмечают эксперты-лингвисты, чьи рабочие обязанности часто лежат в одной плоскости с выявлением паттернов языка вражды в целях их правового регулирования. По мнению А.В. Гладилина, «одним из важнейших факторов, определяющих сущность “языка вражды”, является то, что он основан на таких явлениях, как социальные стереотипы, предубеждения и дискриминация, и является частью более крупного и сложного феномена, который в науках, изучающих коммуникацию, получил название коммуникация, основанная на предубеждениях и дискриминации» [4].

В зарубежных исследованиях также наблюдаются дискуссии в попытке сформулировать универсальное толкование «языка вражды». Так, Р. Пост считает, что построить определение можно на основании четырёх ключевых компонентов: наносимый вред, внутренние факторы (употребление определенного типа слов), принципы достоинства и содержания (передача идеи) [17, с. 31]. Наиболее общим пониманием языка вражды считаются мотивированные предвзятостью, враждебные, злонамеренные высказывания, направленные на человека или группу лиц из-за фактических (существующих на данный момент) или врождённых особенностей (ориг. *Most commonly, hate speech is understood to be bias-motivated, hostile, and malicious language targeted at a person or group because of their actual or perceived innate characteristics*) [21, с. 57].

Анализируя теоретические источники, Л. Андерсон и М. Барнс приходят к выводу, что поиск однозначного определения для такого явления, как «hate speech» бесполезен, ввиду продолжительных споров по поводу его содержания (ориг. *Because the expression is what is typically referred to as an essentially contested term, the hunt for a univocal or universal definition is futile*) [16]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что непосредственное проявление маркеров языка вражды стоит прежде всего определять из идеи высказывания, контекста сообщения, с учётом нормативно-правовых актов государства.

Л.В. Соснина отмечает, что «интернет-язык базируется на естественном языке, но со значительными модификациями в области лексики, грамматики и орфографии в соответствии с реалиями виртуального общения» [13, с. 151]. В рамках нашего исследования мы нацелены придерживаться обосновано уточненного определения для анализа языка вражды в интернет-пространстве, предложенного Т.С. Каримовой: «“Язык вражды” — это определенная система выражений, высказываний, сложившаяся у человека, как представителя определённой культуры, возможно, сопровождающаяся фото или видео материалами, которые содержат оскорбления, унижения или призыв к насилию, или иным другим действиям, направленным на подрыв благосостояния какой-либо группы людей, объединенных одним для них общим признаком, не характерным для других (людей, групп)» [7, с. 3].

Сконцентрировать внимание в данной работе предлагается не столько на анализе языка вражды в целом, сколько на одном конкретном средстве его возможных проявлений — этнофолизмах.

Цель исследования заключается в изучении теоретической базы и характерных свойств этнофолизмов как способа реализации языка вражды в текстовых реакциях реципиентов на новостные сообщения (на примере сетевого издания «РИА “Новости”»), последующей попытке обобщить полученные результаты путём количественного анализа, а также прослеживании зависимости частоты использования этнофолизмов от новостного сообщения. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка изучения употреблений этнофолизмов в контексте специальной военной операции на материале отдельно взятого новостного источника «РИА “Новости”».

Описание материала и методов исследования

Сбор фактического материала осуществлялся методом лингвистического наблюдения и сплошной выборки с установленным критерием отбора: этнофолизмы должны быть направлены на группу (т.е. этнофолизм, направленный на унижение / оскорбление конкретного коммуниканта через применения по отношению к нему лексической единицы, отражающей негативную оценочность к какому-либо этносу, не учитывался). К полученным данным применялся метод контекстологического анализа для подтверждения их соответствия характерным чертам языка вражды. При условии соответствия обозначенным критериям, результаты обрабатывались с применением квантитативного метода.

Материал, собранный для анализа, составил 100 реакций (высказываний пользователей), которые отвечают обозначенным нами требованиям за период 01.01.2024–20.01.2024. Рассмотренные реакции содержали 56 единиц, соответствующих определению «этнофолизм», при условии учёта повторений — 113 этнофолизмов.

Отечественные исследователи отмечают, что термин «этнофолизм» изначально пришёл к нам из зарубежных источников, в связи с чем мы видим необходимость обратиться прежде всего именно к работам иностранных учёных для определения содержания рассматриваемого понятия.

Автором понятия «этнофолизм» (*as I have named them, “ethnophaulisms”*) [19, с. 13] является А.А. Робак, который предпринял попытку создания словаря оскорбительных слов и выражений по отношению к другим народам на материале, собранном из более чем 20 языков — *A Dictionary of international slurs*. Однако, как отмечает Д.Р. Райс и др., ранее был предложен другой термин для обозначения схожих лексических единиц — «эктроним»: *At about the same time that Roback (1944) coined the term ethnophaulism, Ericson (1939) proposed ecthronym (from the Greek roots meaning “hostile” and “name”) to identify the same words used as ethnic slurs to refer to out-groups* [18, с. 170]. Тем не менее в научных трудах его использование встречается редко [там же].

В научных изысканиях существуют и другие варианты для обозначения лексических единиц, указывающих на принадлежность к какой-либо национальности и содержащих оценочный компонент. Так, например, А.И. Грищенко и Н.А. Николина полагают, что «этнофолизм» в большей степени применим в области социологии, чем лингвистики: «...мы считаем целесообразным употребление более широкого, хотя и составного термина экспрессивный этноним, который, на наш взгляд, адекватней термина этнофолизм характеризует собственно лингвистическое, а не социальное явление» [6, с. 177]. Относительно обоснования выбора термина авторы рассуждают так: «нельзя считать /.../, что слово *хохол* ‘украинец, малоросс’ обладает исключительно пренебрежительной коннотацией; в нём сконцентрирована целая гамма оценочных значений: от собственно унижительного до ироничного и ласково-добрососедского» [там же]. Учитывая сегодняшние реалии, мы полагаем, что лексическая единица «хохол» на текущий момент всё же содержит в большей степени унижительный компонент.

Наряду с «экспрессивным этнонимом» и «этнофолизмом» встречаются также «национальные прозвища», «пейоративные псевдоэтнонимы», «прозвищные этнонимы», «экспрессивные этнонимы»,

«этнические клички», «этнические ярлыки», «этнодисфемизм», «экстроним» и др. Мы придерживаемся термина «этнофолизм», поскольку, на наш взгляд, он более приближен к природе языка вражды.

О.С. Коробкова под этнофолизмом понимает «экзоэтноним с отрицательной коннотацией, относящийся к пейоративной лексике просторечия, где под пейоративной лексикой понимаются слова и словосочетания, показывающие негативную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, иронию или презрение» [9, с. 205]. А.В. Гладилин предлагает рассматривать этнофолизм как «негативно окрашенное именование представителя другого этноса» [4]. В качестве основного мы предлагаем взять определение О.С. Коробковой, поскольку оно видится нам наиболее полным для последующего отбора лексических единиц, соответствующих содержанию понятия «этнофолизм».

Наиболее широко представлена типологизация подобных наименований в работе А.И. Грищенко. Напомним, что исследователь предлагает использовать другой термин — «экспрессивный этноним». В рамках механизма языка вражды такая номинация не точно отражает именно отрицательную коннотацию этнонимов. Мы попробуем применить разработанную типологизацию в отношении собранного нами материала (табл. 1).

Итак, А.И. Грищенко выделяет три основные группы (прим. «ЭЭ» — экспрессивный этноним): I. *немотивированные ЭЭ* (обычно заимствованные из других языков, диалектов и т.д.); II. *ЭЭ, мотивированные антропонимами — именами и фамилиями*; III. *ЭЭ, мотивированные в пределах данного языка* [5]. Заметим, что вторую группу ЭЭ исследователь считает не столько самостоятельной, сколько переходной между мотивированными и немотивированными экспрессивными этнонимами; наиболее разнообразно по способам образования в труде автора представлена третья группа.

Каждая из этих групп имеет детализацию. Отметим, что в некоторые подгруппы мы добавили примеры из нашей картотеки.

I. Немотивированные ЭЭ — обычно заимствованные из других языков:

I.1. Самоназвание народа из соответствующего языка-источника (*янки, бритиши*);

I.2. Воспроизведение слова или выражения, узнаваемое в межетнической коммуникации («*кама́й*» (*жарг.*) — *искаж. come on*);

I.3. Слова с исконной семой «товарищ», «приятель», которое ещё в языке-источнике имеет обозначение «мужлан», «деревенщина» (*гардаш, ара*).

II. ЭЭ, мотивированные антропонимами — именами и фамилиями:

II.1. Мотивированные именем, типичным (частотным) для обозначаемого народа:

II.1.1. Полное имя или фамилия (*оксанки, мыколки, рабинович, хачики*);

II.1.2. Сокращённые имена, в том числе с эмоционально-оценочными суффиксами (*изя, фрицы*);

II.2. Составные ЭЭ, состоящие из антропонима и прозвища, в том числе необязательно типичный для соответствующего народа (не получил распространения в русском языке);

II.3. ЭЭ, мотивированные именем культурного персонажа (литературного или фольклорного героя, святого, персонажа рекламы, песни и т.п.) (*бандерлоги*);

II.4. ЭЭ, мотивированные именем исторического деятеля (*бандеровцы, эрдагашки, зелебобики*).

III. ЭЭ, мотивированные в пределах данного языка:

III.1. Мотивированные другими этнонимами:

III.1.1. Образованные посредством усечения (чисто правое усечение (*азеры, амеры*), правое усечение с различными фонетическими изменениями, правое усечение с суффиксацией (*америкосы, армяшки, япошки*), чистое левое усечение, чистое право-левое усечение, право-левое усечение с различными фонетическими изменениями, право-левое усечение с суффиксацией);

III.1.2. Суффиксальный способ образования без усечения (*финики, хохлован*);

III.1.3. Префиксальный способ образования (*вукраинцы*);

III.1.4. Семантический способ образования:

III.1.4.1. Семантическое образование на основе коннотаций (*американская нечисть*);

III.1.4.2. Семантическое образование через метонимический перенос (наименование современного народа по народу древнему) (*бриты*);

III.1.4.3. Семантическое образование с помощью эвфемизации (*небратья*).

III.2. ЭЭ, мотивированные расовым признаком:

III.2.1. Прямой эпитет (субстантивированное прилагательное):

III.2.1.1. Простой эпитет (*цветной, чёрный*);

III.2.1.2. Сложный эпитет (*узкоглазые, черномазые*);

III.2.2. Переносная номинация, основанная на метафоре (чаще всего цветовой);

III.3. ЭЭ, мотивированные культурным признаком:

III.3.1. ЭЭ, мотивированные названием пищи (с различной деривацией) (*лягушатники, бульбаши*);

III.3.2. ЭЭ, мотивированные названием одежды или причёски (*ватники, хохлы*);

III.3.3. ЭЭ, мотивированные профессиональным признаком (*бусурмане*);

III.3.4. ЭЭ, мотивированные профессиональной спецификой (*гастарбайтеры-басмачи*);

III.3.5. Прочие этнокультурные коннотации;

III.4. ЭЭ, мотивированные названием животного (*кацаны, хряки*) [5, с. 42–50].

Сбор фактического материала осуществлялся методом лингвистического наблюдения и сплошной выборки с установленным критерием отбора: этно-

фолизмы должны быть направлены на группу (т.е. этнофолизм, направленный на унижение/оскорбление конкретного коммуниканта через применения по отношению к нему лексической единицы, отражающей негативную оценочность к какому-либо

Таблица 1

Распределение фактического материала в соответствии с типологизацией А.И. Грищенко

№ группы	Наименование группы	Этнофолизмы из собранного материала	Количество единиц в исследуемом материале	Количество единиц в исследуемом материале с учётом повторений	Примечание
I.	Самоназвание народа из соответствующего языка-источника	бритиш, янки	2	6	
II.	ЭЭ, мотивированные именем исторического деятеля	бандеровцы	1	10	
	(образованные посредством правого усечения)	бандеры	1	2	
III.	Мотивированные другими этнонимами (образованные посредством чисто правого усечения)	амеры, укры, бриты	3	22	
	Мотивированные другими этнонимами (правое усечение с суффиксацией)	америкосы, англичашки	2	6	
	Мотивированные другими этнонимами (префиксальное словопроизводство)	вукраины, вируси	2	2	
	Словообразование на основе коннотаций	бандерё, дубы-укры, американская нечисть, бандеровская нечисть, бандеровское отродье, бандеровская гниль	6	6	
	Словообразование на основе метонимического переноса (наименование современного народа по народу древнему) (в том числе с графическими изменениями)	англосаксы, англосакцы, англо-саксы, саксы, англосексы	5	11	
	Словообразование на основе эвфемизации	братья наши меньшие, небратья, недорубленный бандеровский лес	3	3	А.И. Грищенко, Н.А. Николина выделяют «два типа: эвфемизмы, предназначенные для затемнения значения табуируемого слова, и эвфемизмы-перифразы, предназначенные для подчёркивания этого значения» [6, с. 186].
	ЭЭ, мотивированные культурным признаком	снизухолтые англичашки*	2	2	1) как (видимая) отсылка к флагу Украины (доп. значение можно отнести к эвфемизации); 2) предположительно образован путём сложения (названия этноса и культурного стереотипа о пристрастии к чаю)
	ЭЭ, мотивированные названием одежды или причёски (в том числе с графическими изменениями)	хохлы, хахлы	2	3	
	ЭЭ, мотивированные профессиональной спецификой	гастарбайтеры-басмачи	1	1	
	ЭЭ, мотивированные названием животного	хряки	1	1	
Всего:			30	74	*англичашки — при подсчёте учитывался только при первом упоминании

этносу, не учитывался). К полученным данным применялся метод контекстологического анализа для подтверждения их соответствия характерным чертам языка вражды. При условии соответствия обозначенным критериям, результаты обрабатывались с применением количественного метода.

Результаты и дискуссия

Исследуя новостные сообщения сетевого издания «РИА «Новости»», мы обратили внимание на то, что данный ресурс позволяет реципиентам не только получать информацию, но и реагировать на неё, таким образом реализуется принцип «встречного текста». Под «встречным текстом» реципиента понимается «определенный набор реакций, фиксируемых самим адресатом в форме письменных высказываний как отклик на исходный текст-стимул» [11, с. 25]. Вслед за Ван Юе мы считаем, что «и положительные эмоции, и отрицательные эмоции могут быть выражены вербально в интернет-комментариях как с помощью лексических, морфологических, так и с помощью синтаксических, стилистических и фонетических средств» [2, с. 58].

Отметим существенный факт: реципиенты могут отреагировать на новостное сообщение в течение 24 часов, что обозначено самим изданием («Участвовать в дискуссии можно в течение 24 часов после выпуска статьи» [<https://ria.ru>]). Некоторые публикации не вызвали дискуссии, хотя статистика на интернет-ресурсе свидетельствует о значительном количестве просмотров. Так, например, это значение может варьироваться от 600 до более чем 20 000 просмотров (показатель просмотров к новости «*“Участвовать в конфликте”. В Киеве сделали шокирующее заявление о Британии*» составляет 11 812, однако реакции реципиентов не обнаружены). Вероятно, подобную ситуацию можно объяснить так: а) работа модераторов (о чём неоднократно упоминали постоянные пользователи в рамках дискуссий); б) недостаточно резонирующий новостной текст (не вызвал эмоционального отклика у реципиентов); в) просмотр новостного сообщения по истечении 24 часов после его публикации.

Материал, собранный для анализа, составил 100 реакций (высказываний пользователей), которые отвечают обозначенным нами требованиям за период 01.01.2024—20.01.2024. Рассмотренные реакции содержали 56 единиц, соответствующих определению «этнофолизм», при условии учёта повторений — 113 этнофолизмов.

По результатам предложенного распределения, мы видим количественное несовпадение с заявленным числом обнаруженных единиц. На наш взгляд, не все полученные нами примеры этнофолизмов

могут быть отнесены к разработанной классификации А.И. Грищенко, что вполне объяснимо: сам автор отмечал, что в работе были рассмотрены типичные источники возникновения и модели образования этнофолизмов (экспрессивных этнонимов) [5, с. 50].

Ввиду того, что современное общество имеет практически неограниченные технические возможности для коммуникации в Интернете, неиссякаемые источники получения информации (в том числе о событиях в мире) и, пожалуй, достаточно расплывчатые границы понимания «свободы слова», появление новых этнофолизмов вполне закономерно. Несмотря на то что упомянутая в настоящей работе типологизация охватывает многочисленные аспекты возникновения этнофолизмов (мотивированные / немотивированные, модели словообразования), основное внимание направлено на лингвистический принцип создания заявленной типологизации. Мы предлагаем попробовать рассмотреть возникновение этнофолизмов в современной речи с другого ракурса — больше антропологического, но с учётом лингвистических процессов.

Определяя антропологический фактор в качестве основного, мы предполагаем возможность разделения этнофолизмов по следующим группам: клишированные этнофолизмы, оригинальные этнофолизмы и этнофолизмы-граффоны. Ниже приведём параметры для каждой группы.

Мы придерживаемся мнения, на наш взгляд вполне обоснованного, что изначально рождение этнофолизма происходит за счёт творческого начала, а значит, его можно отнести к группе «оригинальные». Оригинальными этнофолизмами мы считаем оскорбительные номинации этноса, образованные путём словотворческих процессов, мотивированные различными признаками: будь то сравнение с животным, характерная одежда/прическа или любой другой этнокультурный стереотип. Те оскорбительные или некогда шуточные экзоэтнонимы, наиболее понравившиеся или, возможно, запомнившиеся народу, начинают появляться в речи настолько часто, что становятся шаблоном, штампом. Такие этнофолизмы мы определили как «клишированные».

На сегодняшний день мы отмечаем, что оригинальные этнофолизмы могут быть образованы несколькими способами: путём «усовершенствования» клишированного этнофолизма или этнонима (через изменение морфемной структуры), созданием новообразований, основанных на текущих политических событиях или характерной этнической черте, или даже заимствованием номинации из различных популярных текстов (художественной литературы, кинофильмов, игр, музыки и др.). Рассмотрим несколько примеров оригинальных этнофолизмов (для ука-

зания количества упоминания одинаковых единиц мы предлагаем использовать пояснение «п случаев», далее — «п» С). Усовершенствования через изменение морфемной структуры:

— префиксальное изменение — *выруси* (1 С), *украинцы* (1 С);

— суффиксальное изменение — *бритиши* (1 С), *украиниши* (1 С), *англичаши* (1 С), *москоляки* (1 С), *индиши* (1 С), *евреиши* (1 С), *европцы* (1 С), *кастрюлькины* (1 С);

— усечение без/с суффиксацией — *бандерё* (1 С), *саксы* (2 С).

Оригинальные этнофолизмы нередко могут быть образованы путём сложения (*украинацики* (2 С), *украинацисты* (5 С), *бандероукрапы* (1 С), *хохлонацисты* (1 С), *укрофашисты* (5 С), *наглосаксы* (2 С), *амерофашисты* (1 С), *снизужолтые* (1 С), *кострюлеголовые* (1 С)), контаминации (*евроукра* (1 С), *украпы* (1 С), *армяногедон* (1 С)), эвфемизации/дисфемизации (*братья наши меньшие* (1 С), *небратья* (1 С), *недорубленный бандеровский лес* (1 С)), образованием сложных существительных (*дубы-укра* (1 С), *амеры-фашисты* (1 С), *гастарбайтеры-басмачи* (1 С)) и словосочетаний через согласование прилагательного, как правило образованного от уже существующего в языке этнонима или этнофолизма, и существительного с негативной коннотацией (*гады бандеровские* (2 С), *бандеровская гниль* (1 С), *бандеровское отродье* (1 С), *бандеровская нечисть* (1 С), *американская нечисть* (1 С), *нацистские нелюди* (1 С)). Стоит отметить, что ввиду политических событий последних лет этнофолизмы «*украинацисты*» и «*укрофашисты*» можно будет относить к клишированным (как, например, «*укра*»), если тенденция к их употреблению продолжит расти.

Под клишированными мы предлагаем понимать те этнофолизмы, которые отличаются наибольшей частотностью употребления, сложившиеся исторически и закрепившиеся в языке (*хохлы*, *англосаксы*, *фрицы* и т.д.). Антропологический фактор здесь, на наш взгляд, в основном заключается в перенимании устойчивых (ввиду времени) этнофолизмов из поколения в поколения. Так, например, лексема «*москаль*», согласно словарю Д. Н. Ушакова, имеет помету «дореv.» (дореволюционное), тем не менее до сих пор употребляется в речи достаточно часто [15]. В пределах полученных нами данных к клишированным этнофолизмам мы относим: *хохлы* (2 С), *бандеровцы* (10 С), *хряки* (1 С), *бандеры* (2 С), *окраинцы* (3 С), *укра* (11 С), *москаль* (1 С), *англосаксы* (6 С), *янки* (5 С), *бриты* (4 С), *амеры* (7 С), *америкосы* (5 С).

Ещё один вид этнофолизмов, которые мы предлагаем выделить в отдельную группу, — этнофолизмы-граффоны. Вслед за И.В. Арнольд мы определяем

граффон как «стилистически релевантное искажение орфографической нормы, отражающее индивидуальные или диалектные нарушения нормы фонетической» [1, с. 245]. Такие этнофолизмы — достаточно редкое явление. Исходя из данных нашей карто-теки, мы полагаем, что в основном граффон используется для привлечения внимания коммуникантов, достижения комичного эффекта и дополнительного выражения пренебрежения. Приведём примеры таких этнофолизмов из собранного материала: *хахлы* (1 С), *уропа* (1 С), *бендеровцы* (1 С), *украинцы* (1 С), *англосакцы* (1 С), *наличане* (1 С), *англосексы* (1 С), *англо-саксы* (1 С).

Для наглядности распределения полученных результатов предлагаем оформить их в таблице (табл. 2).

Не менее интересной нам видится возможность пронаблюдать количественную связь этнофолизмов в отношении определенного народа. Так, например, из 56 обнаруженных нами единиц 32 были направлены на украинцев, 10 — на англичан, 6 — на американцев, 3 — на русских, 5 — на других. Стоит отметить, что при условии повторения уже использованных единиц ситуация будет выглядеть следующим образом: 65 этнофолизмов направлены на украинцев, 20 — на англичан, 20 — на американцев, в остальных случаях количество не изменилось. Очевидно, ввиду текущих политических событий фокус сместился на украинцев. Однако если в рамках анализируемого количества реакций этнофолизмы в сторону других национальностей встречаются довольно редко, то такие единицы в отношении англичан и американцев все ещё активно употребляются, что также обусловлено геополитической ситуацией.

Таблица 2

Распределение фактического материала в соответствии с авторской типологизацией

№ п/п	Наименование группы	Количество единиц в исследуемом материале	Количество единиц в исследуемом материале с учётом повторений
1	Оригинальные этнофолизмы	36	48
2	Клишированные этнофолизмы	12	57
3	Этнофолизмы-граффоны	8	8
Всего:		56	113

Собранный материал даёт нам возможность оценить ещё одно значимое направление исследования — количественную зависимость этнофолизмов от названия и/или содержания новостного текста. Поскольку одна из ключевых задач для заглавия текста — привлечь внимание читателя, авторы новостных текстов

часто обращаются к имплицитным способам заедования провокационного стимула, который бы вызвал не только желание узнать содержание сообщения, но и побудил бы вступить в его обсуждение.

При выборке пользовательских реакций мы изучили 33 новостные статьи на «РИА «Новости»». Ниже представим заголовки новостных текстов и попробуем проследить количество этнофолизмов в комментариях пользователей для каждого текста.

Заголовки изученных новостных сообщений:

- 1) Песков назвал сообщения о скором «сенсационном заявлении» Путина фейком;
- 2) «Превосходящая мощь». Маневры ВС России вызвали шок в СМИ;
- 3) «Самые передовые». В Киеве раскрыли, что Россия подорвала на Украине;
- 4) «Уже одобрили». В Киеве сделали шокирующее заявление о ветеранах ВОВ;
- 5) «Это просто Армагеддон». В Раде пришли в ужас от российского удара по Киеву;
- 6) «Безжалостно». Стало известно, что Россия сделала с ВСУ в зоне СВО;
- 7) «Наперекор Зеленскому». Стало известно, что Запад сделает с Украиной;
- 8) Ирак намерен вывести иностранные войска после авиаудара по Багдаду;
- 9) «Большой марш на Крым». Раскрыт план Зеленского на 2024 год;
- 10) «О чем вы говорите?» Приехавший в Киев Сунак привел в ярость украинцев;
- 11) Ключевая цель. В Киеве раскрыли, что Россия подорвала на Украине;
- 12) «Непоправимый ущерб». СМИ сообщили, что ВС России уничтожили на Украине;
- 13) В Британии заявили о шоке в НАТО после ударов России по Украине;
- 14) Полностью отключат. На Западе раскрыли, какой сюрприз Россия готовит Киеву;
- 15) Зюганов оправдался за карту России на агитационных материалах Харитонов;
- 16) «Много оружия». В Киеве заявили о резкой смене позиции Буданова по России;
- 17) В Киеве сообщили, что Зеленский хочет сделать шокирующее заявление о России;
- 18) «Выбили все». В Киеве раскрыли, что Россия подорвала на Украине;
- 19) Не видят. На Западе сделали шокирующее заявление после ударов ВКС по Киеву;
- 20) «Начнется охота». В США раскрыли, что ВС России приготовили Украине;
- 21) СМИ: Украине грозит война с новыми врагами из-за договора с Лондоном;
- 22) «О чем ты?» В Сети шокированы требованием Зеленской к Западу по России;

- 23) На Украине погиб один из самых опытных летчиков ВСУ;
- 24) СМИ: Украина захотела выпустить «"репарационные облигации"»;
- 25) Удар по местам запуска. На Западе раскрыли, что Россия устроила на Украине;
- 26) «Определит судьбу». Министр обороны Британии сделал заявление об Украине;
- 27) Залужный срочно поехал туда. На Западе раскрыли, что случилось у Харькова;
- 28) Мы здесь власть: главная мечта врагов России сбылась;
- 29) «По всей территории». СМИ раскрыли, что Россия готовит Украине;
- 30) Новая эпоха. В США сделали шокирующее заявление о Китае;
- 31) «Зона боев расширится». Киев сделал шокирующее заявление о России;
- 32) «Разбирают на молекулы». В Киеве раскрыли, куда скоро отступят ВСУ;
- 33) «Не хватает». СМИ раскрыли, к чему привели ракетные удары ВКС по Украине.

Поскольку материал достаточно объемный, мы предлагаем рассмотреть результаты количественного анализа на графике (рис. 1), где по оси *X* расположены новостные тексты в том же порядке, как представлены заголовки новостных текстов, а по оси *Y* — общее количество этнофолизмов в единицах (от 1 до 12), обнаруженных в реакциях пользователей на новостной текст.

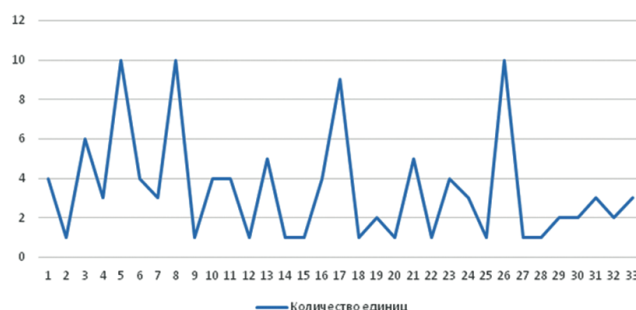

Рис. 1. Количественный анализ этнофолизмов в реакциях пользователей на новостной текст

Рассмотрим подробнее те новостные сообщения, в которых было обнаружено наибольшее количество этнофолизмов (9 и 10 единиц); такие значения мы видим в точках 5, 8, 17 и 26.

Точке 5 соответствует новостной текст «*«Это просто Армагеддон». В Раде пришли в ужас от российского удара по Киеву»*. Основное количество единиц — этнофолизмы, относящиеся к украинцам: «*Всё это прекрасно. Бандеры должныдохнутькаждыйденьпачками*», «*А что так? Не понравилось? Ну, надо тер-*

петь и не надо стрелять по мирным людям России!! А то может пора врезать **украи** по-израильски? Ведь очень просят!!», «Сафари на **хряков** продолжается» и др. Как мы можем заметить, реакции пользователей содержат не только этнофолизмы, но и другие средства речевой агрессии. Количество соответствующих этнофолизмам единиц, на наш взгляд, обусловлено раздражением пользователей на содержание новостного текста, где указано, что в Киевской Раде пришли в ужас от российского удара. Это раздражение прослеживается и в представленных примерах.

«Ирак намерен вывести иностранные войска после авиаудара по Багдаду» — новостной текст под номером 8. В текстах пользователей все 10 этнофолизмов направлены на американцев: «Гоните эту **американскую нечисть** из всех уголков мира!!! Гоните! И будет везде мир», «Отовсюду начали **америкосов** гнать, поганой метлой, всех достали уже», «**Янки**, гоу хом» и др. Предположительно, такую ситуацию вызвало сообщение в новостном тексте о решении вывести иностранные войска: «Журналисты указали, что решение приняли после американского авиаудара по Багдаду, в результате которого погиб командир военной группировки /.../.». В качестве дополнительного стимула для такого количества этнофолизмов мы видим регулярные новостные сообщения о вмешательстве США в политику других государств, что подтверждается рядом выражений из реакций пользователей («всех достали уже», «Гоните! И будет везде мир», «не забудьте пинка **амерам** для ускорения» и т.п.).

Новостной текст в точке 17 — «В Киеве сообщили, что Зеленский хочет сделать шокирующее заявление о России». Основное количество анализируемых единиц снова направлено на украинцев (7 этнофолизмов), остальные — на англичан (2): «Да сдайтесь уже, **бандеровцы**. И чтобы никакой наты! Смертной казни в России нет, пайки щедрые, глядишь и перевоспитаетесь. Хотя...», «Перемирие с **бандерами** сегодня это перспектива войны много хуже через год. Так что, только добивать их», «С **украи**ми переговоры? Снова обманут. Только победа!», «Зелю кокнут либо свои, либо **англосаксы**, ему по любому одинаково» и др. Если заголовок новостного сообщения несколько расплывчат, то в содержании новостного текста речь идёт о возможности переговоров. Представим пару цитат из текста статьи, которые послужили стимулом для такой частоты этнофолизмов во встречном тексте пользователей:

«Подаются сигналы о том, что Украина переходит в оборону <...> и надо начинать какие-то переговоры. Мы же видим эти сигналы. Они идут от (главкома ВСУ Валерия. — Прим. ред.) Залужного, от (главы ГУР МО Кирилла) Буданова, потихонечку уже идут и от Зеленского, который, опять же, не может сказать

прямо», «По его словам, американский президент и его администрация только делают вид, что они к этому процессу непричастны. Они специально создают впечатление, что “решения принимает Киев”, отметил Корнейчук». Однако причин использования этнофолизма «англосаксы» исходя из новостного текста мы не увидели.

Точке 26 соответствует новостной текст «Определил судьбу». Министр обороны Британии сделал заявление об Украине». Количество этнофолизмов в реакциях пользователей распределилось следующим образом: 6 единиц в отношении украинцев, 3 — англичан, 1 — американцев. Приведём несколько примеров: «**Бриты** что-то затеяли как всегда поганое, в отношении уже лично Путина. Нашему В.В. надо остерегаться этих упырей. “Чую засада здесь. Я чувствую. Я всегда чувствую...”», «**Бриты с америкосами** в контрах — борьба за мировое господство. А то, что они “затеяли что-то” насчёт России и ВВП... ну, посмотрим, пару ракет по Лондону, Ангия — не страна НАТО, можно поэкспериментировать — “бомбануть” /.../», «Я тоже надеюсь, что 2024 год станет решающим годом для Украины. Все **бандеровцы** самоубьются, и, Украина родится во второй раз уже без фашистов нацистов и запада, та, прежняя Украина, которая была при СССР хотя бы та что на Востоке», «Надеются победить русских руками **дубов-укров**. Надежда умирает последней» и др. Очевидный стимул, по нашему мнению, заложен уже в самом заголовке новостного текста: «определил судьбу» и ссылка на министра обороны Британии. Интересной мы также находим цитату «По его словам, Лондон рассматривает конфликт на Украине как экзистенциальный, поэтому Соединенное Королевство собирается продолжить поддержку Киева». Слова о продолжении поддержки Украины также провоцируют яркую негативную реакцию пользователей.

Одиннадцать новостных текстов по нашим подсчётам получили только одну реакцию, содержащую этнофолизм (точки 2, 9, 12, 14, 15, 18, 20, 22, 25, 27, 28). Общее содержание этих текстов можно отнести к сообщениям о ВС России. Возможно, именно в этом заключается минимальное количество этнофолизмов в реакциях пользователей. Однако утверждать отсутствие других средств речевой агрессии не представляется возможным.

Заключение

Исследование этнофолизмов как средства языка вражды и речевой агрессии в целом позволяет сделать следующие выводы: этнофолизмы содержат негативную окраску и выражают разную степень оскорбительности, пренебрежения (вспомним «небратья», «дубы-укры» и «украионацисты»); несмотря на ряд

этнофолизмов, которые уже прочно закрепились в языке, реципиенты создают новые лексические единицы, соответствующие определению «этнофолизм», проявляя творческий потенциал в навыках словообразования (можно увидеть в табл. 2); ввиду определенных для данной работы параметров удалось проследить зависимость употребления этнофолизмов от инфоповодов (рис. 1): явно прослеживается связь этнофолизмов в тексте пользователей и заявленного в заголовке наименования этноса, причём необязательно напрямую. Отметим, что чем точнее «попадал» стимул в пользователей, тем активнее использовались этнофолизмы и средства речевой агрессии в целом.

Как отмечает Л.В. Соснина, «интернет-коммуникация демонстрирует потенциальные возможности языковой системы к саморазвитию и созданию новых

форм» [13, с. 154], что в очередной раз подтверждается результатами данной работы. Появление новых оскорбительных названий этноса способствует выявлению закономерностей их возникновения и образования на обширном фактическом материале. Напомним, что на сегодняшний день возникновение новых оскорбительных номинаций в большей мере лежит в плоскости геополитических событий.

Перспективы нашего исследования видятся в возможности изучения и систематизации закономерностей возникновения и образования этнофолизмов на примере лингвистических новообразований, создаваемых пользователями сетевой коммуникации, а также определении компонентов, влияющих на степень грубости и оскорбительности, особенно в отношении оригинальных этнофолизмов.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык [Текст]: учебник для вузов / И.В. Арнольд; 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
2. Ван Ю. Языковые средства выражения эмоциональной и рациональной оценочности в интернет-комментариях [Текст] / Ван Ю. // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2022. — № 4. — С. 55–65.
3. Вепрева И.Т. Риторика: актуальное слово в коммуникативной ситуации текущего времени [Текст] / И.Т. Вепрева, Н.А. Купина // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9. — № 3. — С. 531–546.
4. Гладили А.В. «Язык вражды» как коммуникация [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. — 2012. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya>
5. Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты [Текст] / А.И. Грищенко // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. / гл. ред. Н.А. Николина. — Ярославль: Рем-дер, 2007. — С. 40–52.
6. Грищенко А.И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды [Текст] / А.И. Грищенко, Н.А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. — Вып. 20. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 175–187.
7. Каримова Т.С. Язык вражды в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Полицейская деятельность. — 2023. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-v-internet-kommunikatsii>.
8. Комарова В.В., Осьмак Н.А. Этнофолизм как элемент языка вражды [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnofolizm-kak-element-yazyka-vrazhdy>.
9. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2009. — № 111. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-yazyka-vrazhdy-v-nominatsiyah-etnicheskoj-prinadlezhnosti-sotsiolingvisticheskiy-aspekt>
10. Маркина Ю.В. Англо-американские заимствования в дискурсе современных российских глянцевого изданий [Текст] / Ю.В. Маркина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2020. — № 6. — С. 74–80.
11. Пешкова Н.П. Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе [Текст] / Н.П. Пешкова, А.В. Моисеева А.С. Титлова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2018. — № 4. — С. 19–32.
12. Понарин Э. Индекс (ин)толерантности прессы [Текст] / Э. Понарин, Д. Дубровский, А. Толкачев, Р. Акифьева // Язык вражды против общества: сб. ст. / сост. А. Верховский. — М.: Сова, 2007. — С. 72–106.
13. Соснина Л.В. Интернет-коммуникация как средство демократизации языка [Текст] / Л.В. Соснина // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). — Донецк: ДонНТУ, 2018. — С. 149–155.
14. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды [Текст] / Ю.В. Щербинина. — М.: Форум, 2012. — 397 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://ushakov.slovaronline.com>
16. Anderson, Luvell and Michael Barnes, "Hate Speech", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/hate-speech>
17. Herz M, Molnar P, eds. Interview with Robert Post. In: The Content and Context of Hate Speech: Rethinking Regulation and Responses // Cambridge University Press. 2012, pp. 11–36.
18. Leader Tirza, Mullen Brian, Rice Diana. Complexity and Valence in Ethnophaulisms and Exclusion of Ethnic Out-Groups: What Puts the "Hate" Into Hate Speech? // Journal of personality and social psychology. 2009, vol. 96, no. 1, pp. 170–82.
19. Roback A.A. A dictionary of international slurs. Cambridge, MA: Sci-Art Publishers foreign disparaging allusions. 1944. 394 p.
20. Rancer A.S., Avtgis T.A. (2006). Argumentative and aggressive communication: Theory, research, and application // Thousand Oaks, CA: Sage. 2006. 321 p.
21. Siegel A.A. Online Hate Speech. In: Persily N, Tucker JA, eds. Social Media and Democracy. SSRC Anxieties of Democracy // Cambridge University Press. 2020, pp. 56–88.

References

1. Arnold I.V. Stilistika. Sovremennyy Angliyskiy [Stylistics. Modern English: A textbook for universities]. 4th ed., revised and enlarged. M.: Flint: Nauka, 2002. 384 p. (in Russian)

2. Van Yue. Language means of expressing emotional and rational evaluativity in online comments // *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2022, no. 4, pp. 55–65 (in Russian).
3. Vepreva I.T., Kupina N.A. Rhetoric: actual word in communication situation at current time // *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies (Russia)], 2022, vol. 9, no. 3, pp. 531–546 (in Russian).
4. Gladilin A.V. "The language of hostility" as communication // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (in Russian).
5. Grishchenko A.I. Sources of the emergence of expressive ethnonyms (ethnophaulisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects // *Active processes in modern vocabulary and phraseology: proceedings of the International Conference on June 8–9, 2007* / ch. ed. N.A. Nikolina. Yaroslavl: Rem-der, 2007, pp. 40–52 (in Russian).
6. Grishchenko A.I., Nikolina N.A. Expressive ethnonyms as signs of linguistic hostility // *The language of hostility and linguistic consent in the socio-cultural context of modernity: A collective monograph* / Ed. by I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mikhailova. The works of the Ural MION. Issue 20. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Un-ta, 2006, pp. 175–187 (in Russian).
7. Karimova T.S. The language of hostility in Internet communication // *Politseyskaya deyatel'nost'* [Police activity]. 2023, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-v-internet-kommunikatsii> (in Russian).
8. Komarova V.V., Osmak N.A. Ethnophaulism as an element of the language of hostility // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020, no. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnofolizm-kak-element-yazyka-vrazhdy> (in Russian).
9. Korobkova O.S. Markers of the language of hostility in the nominations of ethnicity: sociolinguistic aspect // *Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen*. 2009, no. 111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-yazyka-vrazhdy-v-nominatsiyah-etnicheskoy-prinadlezhnosti-sotsiolingvisticheskiy-aspekt> (in Russian).
10. Markina Y.V. Anglo-American Borrowings in the Discourse of Modern Russian Glossy Magazines // *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2020, no. 6, pp. 74–80 (in Russian).
11. Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S. Ethnophaulisms as a manifestation of potential conflictogenicity of recipients in the process of information perception in Internet discourse // *Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy*, 2018, no. 4, pp. 19–32 (in Russian).
12. Ponarin E., Dubrovsky D., Tolkacheva A., Akifyeva R. Index of tolerance of the press // *The language of hostility against society: collection of articles / comp.: A. Verkhovsky*. M.: Sova, 2007, pp. 72–106 (in Russian).
13. Sosnina L. V. Internet communication as a means of democratization of language // *Linguistic research and their use in the practice of teaching Russian and foreign languages: Materials of the I International Scientific and Methodological Conference (May 21, 2018)*. Donetsk: DonNTU, 2018, pp. 149–155 (in Russian).
14. Shcherbinina Y.V. Rechevaya agressia. Territoriya vrazhdy [Speech aggression. The territory of enmity]. Moscow: Forum, 2012. 397 p. (in Russian).
15. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language. Available at: <https://ushakov.slovaronline.com/> (in Russian).
16. Anderson, Luvell and Michael Barnes, "Hate Speech", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/hate-speech>
17. Herz M, Molnar P, eds. Interview with Robert Post. In: *The Content and Context of Hate Speech: Rethinking Regulation and Responses* // Cambridge University Press. 2012, pp. 11–36.
18. Leader Tirza, Mullen Brian, Rice Diana. Complexity and Valence in Ethnophaulisms and Exclusion of Ethnic Out-Groups: What Puts the "Hate" Into Hate Speech? // *Journal of personality and social psychology*. 2009, vol. 96, no. 1, pp. 170–182.
19. Roback A.A. A dictionary of international slurs. Cambridge, MA: Sci-Art Publishers foreign disparaging allusions. 1944. 394 p.
20. Rancer A.S., Avtgis T.A. (2006). Argumentative and aggressive communication: Theory, research, and application // Thousand Oaks, CA: Sage. 2006. 321 p.
21. Siegel A.A. Online Hate Speech. In: Persily N, Tucker JA, eds. *Social Media and Democracy. SSRC Anxieties of Democracy* // Cambridge University Press. 2020, pp. 56–88.